

Вопросов было слишком много, и задавал их Мо Янь в своей обычной грозной манере.

Лю Чжэчжи слушал его тирады о том, что он, дескать, неблагодарный, несносный и вообще «тупица», и искренне считал, что с таким типом дружбу лучше не водить.

Куда лучше был его Змейка — он не умел говорить и никогда не рычал на него.

Зачем только Змейка принял человеческий облик и научился говорить?..

Социофоб сегодня снова хотел сбежать, но, прижатый к кровати, не мог и пошевелиться. Видя, что тот молчит, Мо Янь в самом деле развязал его пояс.

— Говорить будешь? — В руках Мо Яня мелькнула шёлковая лента, а на лице играла улыбка, точь-в-точь как у какого-нибудь разбойника. Он с угрозой добавил: — Если не скажешь, я продолжу.

Лю Чжэчжи молчал. Ему вдруг захотелось подраться, но сил не было.

Знал бы он, чем всё обернётся, почаще бы дрался с ним в прошлом.

И бил бы... исключительно по губам.

Лю Чжэчжи не смел произнести ни слова, но в мыслях был дерзок. Увы, Мо Янь не умел читать его мысли и решил, что тот просто упрямится, не желая ничего объяснять.

Они совершенно не понимали друг друга, но Мо Янь уже не злился, потому что...

Раз Лю Чжэчжи молчит, тем лучше! Посмотрим, как я проучу его под предлогом двойного совершенствования!

— Чмок!

Дерзкий поцелуй коснулся его приоткрытых алых губ. Мо Янь нарочно сделал это громко, отчего Лю Чжэчжи лишь нахмурился, находя подобное непристойным.

— Ты сам напросился. Не хочешь говорить — не вини меня за допрос с пристрастием!

Мо Янь с наглостью нашёл оправдание своим бесчинствам и принялся покрывать его шею и

грудь поцелуями. Алые отметины, оставленные им ранее, вспыхнули с новой силой, расцветая на белоснежной коже подобно весенним цветам.

«О, он меня унижает».

Лю Чжэчжи, хоть и молчал, всё прекрасно понимал. У него даже нашлось время поразмыслить: у Демонического Владыки Мо Яня целый дворец красавиц, так почему же его заинтересовал мужчина?

«Неужели унижение заклятого врага доставляет столь острое, ни с чем не сравнимое удовольствие? Настолько сильное, что пол этого врага уже не имеет значения?»

Странное извращение. Впрочем, для Мо Яня... это вполне объяснимо.

«А вот мой послушный Змейка был куда лучше».

Лю Чжэчжи не придавал этому особого значения. Даже когда поцелуи опустились к его талии, он продолжал витать в облаках, пока внезапная мысль не обожгла его сознание.

«Мо Янь — главный герой, его пара — младший брат-ученик».

Ещё одно двойное совершенствование — и наша связь станет лишь крепче, а я отниму ещё больше удачи у Бай Цю. Если я не умру, то наживу себе кучу проблем и кармических долгов...

Лю Чжэчжи было всё равно, если Мо Янь унизит его ещё раз, но связываться с главным героем и его судьбой он не хотел. Социофобы не любят проблем, они стремятся свести своё существование к минимуму.

Он с таким трудом избавился от Системы. Если он вмешается в судьбу главного героя, она вернётся, и его снова заставят выполнять задания. Это было бы ужаснее всего.

— Нельзя.

Мо Янь был в самом разгаре, когда над ухом раздались эти два слова. Он с досадой подумал, что лучше бы тот молчал.

Почему он заговорил именно сейчас? Не мог подождать, пока я закончу!

Кто стерпит, когда его прерывают в такой момент? Мо Янь притворился, что не слышит, и его руки стали ещё смелее, ладонь легла на внутреннюю сторону бедра, гладкого, как белый нефрит.

Тело Лю Чжэчжи дрогнуло, кожа покрылась румянцем, а голос зазвучал прерывисто:

— Нельзя.

«...Я оглох! Ничего не слышу!» — мысленно рявкнул Мо Янь.

Хотя он уже заговорил, тот и не думал останавливаться. Лю Чжэчжи нахмурился, в его глазах отразилось недоумение.

«Он же хотел, чтобы я заговорил. Почему, когда я это сделал, он меня не слушает?»

Лю Чжэчжи и в мыслях не мог допустить, что тот делает это нарочно. Он решил, что сказал что-то не то, и, пока он размышлял, его уже успели с головы до ног покрыть поцелуями.

Говорят, демоны распутны. Теперь он убедился в этом воочию.

«То место... как можно целовать то место...»

Лю Чжэчжи прикусил губу, сдерживая стон, который рвался наружу. Он не желал издавать столь непристойных звуков. Собравшись с духом, он наконец заставил себя объясниться:

— Я не сердился. И не игнорировал. И не презирал.

Он ответил на все вопросы Мо Яня, один за другим, не меняя порядка. Его голос, хоть и был холодным, звучал на удивление послушно и даже немного растерянно.

От этого его хотелось дразнить ещё больше.

Останавливаться не хотелось, совсем. Но Мо Янь жаждал услышать объяснения.

Лю Чжэчжи сказал, что не презирал его. Не презирал за то, что он демон?

Это было слишком важно. Мо Янь хотел это услышать, хоть и сам не понимал, почему.

Разрываясь между желаниями, он увидел, что Лю Чжэчжи собирается продолжить, и, стиснув зубы, снова впился в его губы.

Он целовал этого обычно такого сдержанного красавца до тех пор, пока тот не начал задыхаться и слабо отталкивать его. Лишь тогда Мо Янь неохотно отстранился.

— Говори. Объясняй всё как следует. Если объяснения меня не устроят, я продолжу.

Мо Янь не только угрожал, но и провёл пальцами по чувствительной ямочке на его пояснице, тайком наслаждаясь моментом.

Этот красавец с кожей, как у божества, и телом, словно выточенным из нефрита, был таким нежным и гладким на ощупь. Мо Янь решил, что тот, кто устоит перед таким искушением, определённо страдает каким-то недугом.

Похотливо разглядывая его, он самодовольно кивнул.

«Да, я определённо здоров. И то, что я сотни лет не притрагивался к красавицам в своём дворце, лишь потому, что у меня не было периода страсти».

Лю Чжэчжи с трудом перевёл дух. Он не заметил тёмного огня в глазах Мо Яня, помня лишь, что нужно всё объяснить, чтобы избежать двойного совершенствования с главным героем. Медлить он не смел.

— Испокон веков праведники и демоны были врагами. Но из любого правила есть исключения. — Лю Чжэчжи посмотрел на нависшего над ним мужчину. Голос его был тих, но в нём звучала искренность. — Ты — хороший демон, не такой, как остальные. Поэтому я не презираю тебя.

Он сказал «ты», а не «Змейка». Эта оценка относилась к Демоническому Владыке Мо Яню.

Лю Чжэчжи давно знал, что Мо Янь — хороший демон, не посягавший на мир людей, как его предшественники.

За тысячи лет мир заклинателей видел бесчисленные войны между бессмертными и демонами. Предыдущие владыки демонов стремились вторгнуться в мир людей, захватить духовные жилы и энергию. Но Мо Янь был другим.

Он был необуздан и высокомерен, но буянил в одиночку, никогда не ведя за собой армию демонов и не развязывая войн. Хотя он и был демоном, но заботился о жизнях простых людей.

Поэтому, сражаясь с ним, Лю Чжэчжи чувствовал к нему уважение. Все считали их заклятыми врагами, но в душе он никогда не испытывал к Мо Яню ненависти. Разве что считал его слишком грозным.

Всего этого Лю Чжэчжи не сказал — он не мог выразить столько мыслей. Но и тех нескольких слов хватило, чтобы осчастливить Мо Яня.

Хороший демон. Не презираю.

Эти слова были лучше любых объяснений. Если бы Мо Янь сейчас был змеей, его хвост вилял бы с такой скоростью, что мог бы высечь искры.

Это пьянило, по-настоящему пьянило. Слышать похвалу от заклятого врага было приятнее, чем победить в битве.

— Если я хороший демон, почему ты не хочешь пойти со мной? — Несмотря на внутренний восторг, Мо Янь не подал виду. Он сдержал улыбку и снова надавил на него, но голос его звучал на удивление мягко, с нотками самодовольства.

Его тёплое дыхание коснулось лица Лю Чжэчжи. Тот едва заметно отвернулся, и его голос стал ещё тише.

— Я буду обузой. Нельзя.

Мо Янь возвращается, чтобы вернуть себе трон и отомстить. Если он возьмёт его с собой, то лишь создаст себе помеху. К тому же... его Змейка может быть с ним до конца, а Мо Янь — нет.

Когда-нибудь Мо Янь и младший брат-ученик станут дао-спутниками. Если он к тому времени ещё будет жив, то пришлёт им свадебный подарок для своего Змейки, завершив тем самым их многолетнюю связь. Вмешиваться дальше он не имел права.

Он не мог рассказать Мо Яню о сюжете, который знала Система, и тот, естественно, не догадывался о его мыслях. Услышав лишь, что он боится быть обузой, Мо Янь всё понял.

Лю Чжэчжи не отказывался идти с ним, он просто боялся помешать. Это была забота, но из-за своей неразговорчивости он создал недопонимание.

Эту привычку нужно искоренять. Сколько можно терпеть эти недоразумения? Наверняка так и раньше было, потому они и стали заклятыми врагами.

Мо Янь строил планы, но не стал делиться ими с Лю Чжэчжи, ведь он собирался провернуть одно дельце.

— Ты слишком поздно спохватился. Раньше надо было говорить. Теперь, когда тебя заставили, ты заговорил. Сам скажи, разве ты не виноват?

Он раздел его, областал, оставил на теле алые отметины, а теперь, нависая над ним, ещё и обвинял, ничуть не краснея, с видом полной правоты.

— Ты довёл меня до периода страсти. Говори, что теперь делать?

Лю Чжэчжи открыл было рот, но промолчал.

Ведь это он вспылал и не дал ему договорить, а теперь всё сваливает на него. Какой же... бессовестный и неразумный.

Хотелось подраться.

Лю Чжэчжи незаметно пошевелил пальцами, но его руку тут же перехватили и потянули к мускулистому животу неразумного демона.

— Ты заварил эту кашу, тебе и расхлёбывать, верно?

Мо Янь был мастером бесстыдства и унижений. Он сжал его запястье, не давая убрать руку.

— Разве не ты учил меня, что нужно нести ответственность за свои поступки, даже за найденную самочку-змею? Наставник, ты должен подавать пример.

Он был красноречив, а Лю Чжэчжи — косноязычен. Он не мог его переспорить и, не желая провоцировать на ещё большие бесчинства, позволил ему делать с собой всё, что угодно.

В итоге его ладонь горела, он тяжело дышал от усталости, но его так и не отпустили...

Средь бела дня его заставили два часа заниматься непотребствами на кровати. Как бы Лю Чжэчжи ни был равнодушен к плотским утехам, после всего этого его щёки пылали.

Это же... это же разврат средь бела дня...

Ладонь болела и была испачкана. Виновник, хоть и мог воспользоваться очищающим заклинанием, не стал этого делать, а вместо этого принялся медленно и нарочито мыть его руку.

Лю Чжэчжи, поджав губы, молчал. Когда его рука была наконец чиста, он ещё долго тёр её, пока не исчезло липкое ощущение. Затем он повернулся и посмотрел на того, чья улыбка, казалось, вот-вот достигнет ушей.

Всё-таки хотелось подраться.

Он привык к спокойствию и почти забыл, что такое гнев, но сейчас он отчётливо хотел драки.

Когда Система лишила его сил, он не почувствовал ни капли сожаления. Но сейчас он жалел об их утрате. Была бы у него сила, он бы хорошенько проучил этого наглого и несносного

демона.

— Что такое? — Мо Янь был в прекрасном настроении и говорил ласково. Увидев, что тот смотрит на него, он с улыбкой спросил.

Лю Чжэчжи нахмурился, отвёл взгляд, но через мгновение снова посмотрел на него, а затем снова отвёл.

Так повторилось несколько раз. Наконец он поднёс палец к губам, прокусил его до крови и начертал в воздухе руну.

Мо Янь не успел и глазом моргнуть, как услышал несколько слов, произнесённых им.

— Чжуцюэ, явись.

Следом за холодным голосом появился маленький, сотканный из огня Чжуцюэ и устремился прямо к Мо Яню.

Тот ошеломлённо смотрел, как Чжуцюэ опалил край его одеяния, а затем увидел, как заклинатель, нарисовавший руну, развернулся и ушёл. Через мгновение Мо Янь рассмеялся.

Неужели он довёл Лю Чжэчжи до того, что тот начал капризничать?

Невероятно. Лю Чжэчжи капризничает. Какая редкость.

Похоже, его нужно дразнить. Иначе он так и будет холодной ледяной статуей. А сейчас он похож на живого человека.

Мо Янь наслаждался тем, как весело дразнить праведника. А праведник, отойдя на несколько шагов, не удержался и обернулся.

«Он... он не рассердился?»

Он думал, что Мо Янь, чью одежду он подпалил, разозлится и снова накричит на него. Но, обернувшись, он увидел в глазах мужчины явную усмешку. Лю Чжэчжи замер.

Почему он смеётся?

Я напал на него, а он не хочет драться?

Я его так унизил, а он, спалив ему одежду, не злится, а радуется. Какой же он странный.

Лю Чжэчжи не понимал. В его мире, даже после двойного совершенствования, они оставались чужими. Близок ему был лишь Змейка, а не этот наглый Мо Янь. Он и не догадывался, что тот лишь притворяется жёстким, а на самом деле питает к нему нечистые мысли и боится в этом признаться.

Он просто находил его странным, боялся его и не хотел иметь с ним дела.

Но тот сам навязался. Только что был таким грозным, а теперь кружит вокруг него, называя наставником.

— Наставник, я помог тебе отбиться от козней Дуань Чэнцяня. Разве я не заслужил награды?

— Наставник, ты помог мне лишь рукой, это не считается двойным совершенствованием. Может, ночью возместишь мне ущерб?

— Наставник, ты не принял мой изначальный Ян, какая растрата...

Он нёс всякую пошлятину. Лю Чжэчжи, нахмурившись, игнорировал его, мысленно перебирая известные ему заклинания, способные заставить человека замолчать.

Не успел он ничего вспомнить, как услышал новый вопрос:

— Наставник, сегодня не будешь учить меня мантрам?

Лю Чжэчжи остановился и не удержался от ответа:

— Ты сказал, что больше не будешь учить.

Это я сказал?

Мо Янь на мгновение замер, а потом вспомнил. Ему хотелось сблизиться с ним, но гордость не позволяла.

— Ну... если ты попросишь меня или согласишься на двойное совершенствование ночью, я, так и быть, могу и поучить.

Дразнить Лю Чжэчжи было так весело, что даже гордый Демонический Владыка не мог устоять. В его голове роились мысли о том, как бы ещё его подразнить.

Его бесстыдство поразило даже Лю Чжэчжи. Он не мог поверить, что такое можно говорить с такой наглостью.

— Тогда не надо.

Всё равно демону не пристало учить мантры праведников.

Он-то сдался, а Мо Янь опешил.

Постойте, почему он не уговаривает? Хотя бы раз уговорил, я бы сразу согласился!

Ты меня игнорируешь, не заставляешь учить мантры, о чём мне тогда с тобой говорить?

Все его мысли были сейчас о Лю Чжэчжи. Он искал любой предлог, чтобы сблизиться, глаз с него не сводил, а теперь такой возможности не было.

Мо Янь пожалел о своих словах.

Знал бы я, не стал бы так выпендриваться. Теперь сам себе все пути отрезал. Не могу же я, гордо заявив, что не буду чего-то делать, тут же просить об этом?

Чёрт! Я же не знал, что Лю Чжэчжи так легко поддаётся!

Если бы я знал раньше, я бы лучше себе язык откусил, чем говорить такие глупости!

Лю Чжэчжи было всё равно, о чём он думает. Он помнил, что до прихода Дуань Чэнцзя собирались стирать, и, взяв одежду, направился в боковой зал.

Мо Янь смотрел на него, и смотрел, и смотрел...

Наконец он не выдержал, подошёл, отстранил его и забрал одежду.

— Отойди. У тебя руки все в садинах, какая ещё стирка? Раз это я их тебе натёр, я и постираю.

Прогнав его отдыхать, Мо Янь стёр с лица суровое выражение и, сев стирать, не удержался — уткнулся носом в его одежду.

Хм-м... чертовски вкусно пахнет...

А сам Лю Чжэчжи пахнет ещё лучше. И белый, как снег. Как может на свете существовать такой красивый и ароматный человек? А что, если...

А что, если забрать его к себе и сделать демонической императрицей?

Можно и силой. Главное — забрать. Нельзя, чтобы он достался кому-то другому. Моё — значит, моё. Даже если это заклятый враг, он должен быть моим.

Да, именно так. Лю Чжэчжи ко всему равнодушен. Я его обманом и уговорами заманю. А если не получится — украду. Это не помешает ему стать демонической императрицей.

При этой мысли Мо Янь от волнения хлопнул себя по бедру.

Непревзойдённый ум, достойный Его Величества!

С сегодняшнего дня начинаю операцию по обману Лю Чжэчжи с целью сделать его демонической императрицей!

<http://bllate.org/book/16980/1589402>